

УДК 94(571.5).084

ББК 63.3(2Рос-4Крн)61

Раскулачивание и коллективизация на территории современного Красноярского края: от «коренного перелома» до исправления «перегибов на местах»

Р.С. Есин

Красноярский государственный аграрный университет (Красноярск, Россия)

Dekulakization and Collectivization in the Krasnoyarsk Territory: from the «Radical Fracture» to the Correction of «Kinks in the Field»

R.S. Esin

Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russia)

Тема политики «ликвидации кулачества как класса», проводимой во время форсированной коллективизации, актуальна как для специалистов-историков, так и для современного российского общества. На современном этапе изучения продолжает оставаться актуальным анализ практики раскулачивания, осуществлявшейся в начале 1930 г. как в масштабах всего Советского Союза, так и в рамках отдельных регионов. На основе документов Государственного архива Красноярского края рассматривается проведение политики «ликвидации кулачества как класса» на территории районов, в настоящее время входящих в состав современного Красноярского края. В центре внимания проведение форсированной коллективизации в Сухобузимском, Енисейском, Уярском, Партизанском, Балахтинском, Абанском, Новоселовском, Пировском, Казачинском, Енисейском, Больше-Муртинском, Канском, Ачинском, Манском и Красноярском районах в период с декабря 1929 г. по апрель 1930 г. Делается вывод о том, что раскулачивание в этих районах позволило добиться высокого процента коллективизации хозяйств, но под давлением повсеместного крестьянского сопротивления как союзное руководство, так и руководство рассматриваемых районов современного Красноярского края было вынуждено временно приостановить процесс репрессий и провести показательное наказание руководителей на местах за перегибы, допущенные в ходе политики раскулачивания. После осуждения перегибов начинался отток крестьянских хозяйств из колхозов. В итоге в статье определена региональная специфика процесса раскулачивания в исследуемый период в районах, расположенных на территории современного Красноярского края.

Ключевые слова: раскулачивание, коллективизация, сопротивление коллективизации, перегибы на местах, Красноярский край.

The theme of the policy of "eliminating the kulaks as a class", carried out during forced collectivization, is relevant both for historians and for modern Russian society. At the present stage of the study, the analysis of the dekulakization practice that was carried out in the beginning of 1930, both on the scale of the entire Soviet Union and within individual regions, remains relevant. The article considers the policy of "eliminating the kulaks as a class" on the territory of the districts that are currently part of the modern Krasnoyarsk territory on the basis of documents from the Krasnoyarsk state archive. The focus of attention is on forced collectivization in the in the Sukhobuzimsky, Yeniseysky, Uyarsky, Partizansky, Balakhtinsky, Abansky, novoselovsky, Pirovsky, Kazachinsky, Yeniseysky, More-Murtinsky, Kansk, Achinsky, Mansky and Krasnoyarsk districts in the period from December 1929 to April 1930. It is concluded that dekulakization in these areas allowed for a high percentage of collectivization of farms, but under the pressure of widespread peasant resistance, both the Union leadership and the leadership of the considered areas of the modern Krasnoyarsk territory were forced to temporarily suspend the process of repression and to carry out demonstrative punishment of local leaders for excesses committed during the policy of dekulakization. After the condemnation of excesses, the outflow of peasant farms from collective farms began. As a result, the article partially defines the regional specifics of the dekulakization process in December 1929 — April 1930 in the regions located on the territory of the modern Krasnoyarsk territory.

Key words: dispossession of kulaks, collectivization, resistance to collectivization, excesses in the field, the Krasnoyarsk territory.

DOI 10.14258/izvasu(2020)3-06

Тема коллективизации и раскулачивания ранее поднималась в исследованиях историков [1–3]. Однако целенаправленное изучение «политики ликвидации кулачества как класса» на территории районов современного Красноярского края не проводилось. Таким образом, осуществление такого исследования актуально. Целью данной статьи является выявление местной специфики процесса коллективизации и раскулачивания на территории современного Красноярского края в декабре 1929 — апреле 1930 г.

Начавшаяся в конце 1929 г. сплошная коллективизация сопровождалась запугиванием, насилием, принуждением и репрессиями в отношении основной массы крестьян. Строительство колхозов проходило противоречиво: одновременно с добровольным вступлением части крестьян из бедняков и батраков практиковался административный нажим, «подхлестывание» середняков на путь коллективизации [1, с. 11].

27 декабря 1929 г. И.В. Сталин официально провозгласил курс на переход к «ликвидации кулачества как класса». На конференции аграрников-марксистов он заявил: «Мы перешли в последнее время от политики ограничения... к политике ликвидации кулачества, как класса» [4, с. 169].

В конце 1929 г. и начале 1930 г. в СССР газеты были переполнены статьями, предрекавшими скорое исчезновение класса кулаков [3, с. 50]. На основе постановления ЦК от 5 января 1930 г., закрепившем решение о «ликвидации кулачества как класса», ЦИК и СНК СССР 1 февраля 1930 г. приняли постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». В данных постановлениях определялись мероприятия по раскулачиванию, предусматривавшие конфискацию у кулаков средств производства, скота, хозяйственных построек и т.д. [5, с. 93–94].

Совместное постановление Сибкрайкома партии и бюро Сибкрайисполкома от 12 февраля 1930 г. определяло порядок передачи имущества кулацких хозяйств колхозам и участие в этом бедняков, батраков и середняков, а также порядок экспроприации кулацких хозяйств [6, с. 22–25; 7, л. 160]. В Красноярском крае, относившемся до августа 1930 г. к Сибирскому краю [8, с. 39], местные власти также руководствовались данным решением.

В январе 1930 г., еще до вышеуказанного постановления бюро Сибкрайисполкома и Сибкрайкома партии, в районы Красноярского края, относящиеся в то время к Сибирскому краю, были направлены директивы с требованиями количественного роста колхозов и урожайности. Кроме этого, указывалось, что во время хлебозаготовок, собирая зерно, нужно в первую очередь оказывать давление на кулака и за-

житочных крестьян, применяя меры общественно-го воздействия, и дать отпор кулакам и подкулачникам, организуя против них бедноту и середняков [7, л. 20–22].

В зимне-весенний период 1930 г. проводились соцсоревнования по выполнению планов организации колхозов [7, л. 24]. Всем секретарям райкомов были направлены директивы о том, что осуществление плана коллективизации обостряет классовую борьбу, поэтому необходимо не только «...широкое разворачивание массовой работы среди бедноты, середняков и колхозников», но и привлечение к этой борьбе всех культурных слоев деревни (учителя, агрономы, работники изб-читален и др.) [7, л. 24–25]. Кроме того, всем партийным ячейкам Енисейского района ставилась задача активизации «женских масс» для борьбы с «кулачеством» [9, л. 161].

8 января 1930 г. сибрайкомам была направлена директива о том, что развернутая работа по коллективизации дала положительные результаты широкого сдвига бедняцко-середняцких масс, и коллективный сектор в декабре вырос с 4,6 до 12%. Но, несмотря на достигнутые результаты, руководство Сибирского края сообщало, что имели место «кулацкая агитация» и выступления «подкулачников» (Уярский район) [7, л. 30–31].

Руководство местных органов власти мотивировали должностными наказаниями на выявление кулаков. Так, партработникам Уярского, Абанского, Пировского районов были объявлены выговоры за неумение выявить кулаков [10, л. 35].

Вышеописанная мотивация властей по «ликвидации кулачества как класса» в округах и районах, расположенных на территории современного Красноярского края, давала результаты. Так, согласно «Сводке о ходе коллективизации, ликвидации кулачества...» на 7 февраля в Пировском, Казачинском, Б-Муртинском, Сухобузимском, Партизанском, Уярском, Канском, Новоселовском, Балахтинском и Енисейском районах было конфисковано имущество у 224 и арестовано 119 кулаков [11, л. 10].

Процесс раскулачивания набирал обороты. Согласно «Сводке о ходе коллективизации, ликвидации кулачества как класса...» на 20 февраля 1930 г. в Красноярском, Пировском, Казачинском, Енисейском, Балахтинском, Б-Муртинском, Сухобузимском, Партизанском, Уярском, Манском, Новоселовском районах конфисковано имущество у 1180 кулацких хозяйств; по ст. 58 арестовано 52 кулака, по ст. 169 — 5, по ст. 61 — 90, а по «разн[ым] другим» статьям — 300 человек [7, л. 180].

Динамика процесса коллективизации развивалась ускоренно, с широким применением репрессивных методов, таких как раскулачивание. В итоге, на 1 марта 1930 г. по Сибирскому краю в колхозы вступило 48,8% хозяйств [12, л. 45].

Несмотря на успехи в коллективизации процесс репрессий не останавливался. Так, например, если в начале 1930 г. в Енисейском районе было выявлено одно кулацкое хозяйство, то согласно сводке от 4 марта 1930 г. по Енисейскому району указано, что имущество конфисковано у 29 кулаков [7, л. 168]. Согласно «Сводке о ходе коллективизации, ликвидации кулачества как класса...» на 5 марта в Сухобузимском, Уярском, Партизанском, Балахтинском, Новоселовском, Пировском, Казачинском, Енисейском, Б-Муртинском, Канском и Красноярском районах конфисковано имущество у 1384, а арестовано — 525 «кулаков» [11, л. 140].

По мере применения репрессивных методов коллективизации проявляется злоупотребление властью на местах. В документах того времени отразились случаи записи в кулаки середняков, а также запугивание раскулачиванием середняков и бедняков [7, л. 173]; расхищение изъятого у раскулаченного имущества [7, л. 176]; подведение хозяйства беднячки под кулацкое [7, л. 176]; арест маломощного середняка [7, л. 176].

Имели место случаи, когда «...искусственно занижали стоимость отнятого имущества для того, чтобы затем его скупить практически за бесценок» [5, с.102; 11, л. 27].

С расширением репрессивных мер росло негативное отношение крестьян к коллективизации. Так, в марте 1930 г. на общем собрании в деревне Боровки Ачинского района крестьяне пришли к выводу, что линия советской власти «взята неправильно» [13, л. 55].

Также увеличивалось сопротивление крестьянства политике коллективизации. Документы 1930-х гг. отразили такие его формы, как уничтожение или порча своего имущества [14, с. 292–293]; избегание зачисления в колхоз [11, л. 31]; растрата и обмен своего имущества перед вступлением в колхоз [11, л. 44]; были случаи массовой агитации против коллективизации [7, л. 24]; враждебное сопротивление [7, л. 24]; продажа инвентарного скота [7, л. 24]; утайка семян при вступлении в колхозы [7, л. 24]; агитация за уничтожение скота и семенного зерна [7, л. 30–31]; уход крестьян в неизвестном для властей направлении [11, л. 14, 28]; нападения кулаков на милиционера [11, л. 4]; заявления некоторых крестьян о том, что повесятся из-за вступления в колхоз [11, л. 11]; самоубийства [11, л. 109]; применение террора и запугивание комсомольцев и крестьян [11, л. 30].

Особенное отношение к коллективизации было у возвращенных из так называемой кулацкой ссылки. В сводке за 1 марта 1930 г. сообщалось о том, что, будучи оправданными, они приходили в родные деревни и вели там агитацию против раскулачивания [11, л. 124]. Под влиянием этой агитации наблюдались случаи массового выхода из колхоза [11, л. 125].

2 марта 1930 г. была опубликована статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов», где вина за нарушения и перегибы в проведении ускоренной коллективизации была возложена на руководителей на местах [4, с. 192]. По всей видимости, власти ожидали более серьезного противодействия коллективизации со стороны крестьян, и статья Сталина была направлена на снижение крестьянского сопротивления.

Так, в сводке «О ходе коллективизации и ликвидации кулачества как класса...» за 5 марта сообщалось, что в одной из деревень Манского района имелось скрытое оружие и части пулемета, а крестьяне одобрительно отнеслись к словам бывшего партизана Голубцова, высказавшегося против колхоза [11, л. 138]. 2 апреля в закрытом письме ЦК ВКП (б) говорилось о том, что если бы не принятые вовремя меры, то пошла бы волна «повстанческих крестьянских выступлений» и «добрая половина наших "низовых" работников была бы перебита крестьянами...» [14, с. 178].

После статьи Сталина власти сибирского региона стали массово наказывать руководителей на местах за «перегибы». 28 апреля 1930 г. в «Сообщении № 9 о состоянии коллективизации...» от Сибирского крайкома говорилось о применении репрессивных мер по отношению к виновникам в перегибах при коллективизации и раскулачивании, указывались следующие цифры: по 15 округам Сибирского края было распущено 14 райкомов, снято 8 секретарей райкомов, исключено из партии 5 секретарей райкомов и секретарей РИК, исключено из партии 330 окружных, районных и сельских работников, наложено 1147 различных партийных взысканий, предано суду 1056 человек [12, л. 35]. Однако важно отметить, что если, как отмечено выше, на 5 марта в указанных районах конфисковано имущество у 1384, а арестовано — 525 «кулаков», то в конце апреля 1930 г. в Канском, Ачинском и Красноярском округах раскулачено уже 6884 кулацких хозяйства [15, с. 121–122]. Данный факт, вероятно, означает, что исправлять «перегибы на местах» начали не сразу после публикации статьи Сталина, а маховик раскулачивания не мог мгновенно остановиться.

С ослаблением репрессивных мер после публикации статьи И.В. Сталина начался отток крестьян из колхозов. Взвинчивание темпов колхозного строительства в начале 1930 г. привело к нарастанию кризисных явлений в деревне и приостановке массовой коллективизации. В восточных округах Сибирского края (как отмечалось выше, в описываемое время Красноярский край относился к данному региону) ее уровень снизился с 48% в начале марта до 17% в конце мая 1930 г. [16, с. 84]. С 1 по 20 марта 1930 г. из колхозов в Красноярском округе вышло 1956 хозяйств, в Канском — 752 хозяйства, Ачинском — 323.

Крестьяне, вышедшие из колхозов, снова стали вести самостоятельное хозяйство [12, л. 48].

Развернувшаяся в СССР в начале 1930 г. крупномасштабная государственная кампания по «ликвидации кулачества как класса», начатая практически одновременно с форсированной коллективизацией и сопутствующая ей на протяжении рассматриваемого периода, не могла не затронуть и крестьянство на территории районов будущего Красноярского края.

Местная практика раскулачивания, наряду с административными мерами, принимаемыми сталинским руководством и партийными органами Сибирского края, позволили добиться высокого процента коллективизации крестьянских хозяйств как в Сибирском регионе в целом, так и в округах, расположенных на территории будущего Красноярского края.

Как и в других регионах страны, политика раскулачивания в этих районах способствовала «перегибам на местах» и произволу местных руководителей. Данные «перегибы на местах», в совокупности с тем, что форсированная коллективизация не учитывала настроения крестьянства, подталкивала их к сопротивлению политике коллективизации. В рай-

онах будущего Красноярского края сопротивление коллективизации проявлялось в виде распродажи имущества, срывов собраний, угроз комсомольцам со стороны кулаков, антиколхозной агитации и иных форм крестьянского сопротивления. В итоге в марте 1930 г. под давлением повсеместного сопротивления властям пришлось коллективизацию временно приостановить, а партийных руководителей на местах показательно наказать за перегибы.

Основная особенность регионального процесса «политики ликвидации кулачества как класса» в декабре 1929 г., апреле 1930 г. в районах, расположенных на территории современного Красноярского края, состояла в низкой относительно западных и центральных районов СССР численности раскулаченных. Численность ссыльных кулаков за 1930–1931 гг. в Центрально-Черноземной области — 26 006 семей, в Восточной Сибири (к территории которой в то время относился современный Красноярский край) — 16 068 семей [17]. Соотношение же масштабов «политики ликвидации кулачества как класса» в районах современного Красноярского края относительно Сибирского края наглядно видно по соотношению — 6 884 и 59 238 раскулаченных хозяйств в апреле 1930 г. [15, с. 120–121].

Библиографический список

1. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.
2. Корсакова О.В. Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001.
3. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012.
4. Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т. 12.
5. Гушин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928–1934): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996.
6. Озерова О.А. Применение насильственных методов и репрессий в период сплошной коллективизации в 1930–1932 гг. (на примере тюркских народов Западной Сибири) // Омский научный вестник. 2012. №5.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р. 55. Оп. 2. Д. 15.
8. Красноярье пять веков истории. Красноярск, 2006.
9. ГАКК. Ф.Р. 55. Оп. 2. Д. 8.
10. ГАКК. Ф.Р. 55. Оп. 2. Д. 2.
11. ГАКК. Ф.Р. 10. Оп. 1. Д. 714.
12. ГАКК. Ф.Р. 96. Оп. 1. Д. 817.
13. ГАКК. Ф.П.-46. Оп. 1. Д. 10.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание / отв. ред. Н.А. Ивницкий. М., 2000. Т. 2.
15. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г.: сб. / отв. ред. В.И. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск, 1993.
16. Ильиных В.А. Сельское хозяйство Восточной Сибири в период коллективизации: динамика, организационно-производственная структура // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2014.
17. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. №1.